

Зима на побережье

Слушаю песни приморской братии –
Апологетов талассократии –
С вечера на берегу.
Веер у пальмы в снегу.
Милитаристы, поэты, рыбаки,
С дерзкой мечтой о свободном выборе,
Вечность встречают в порту,
Веря в свою правоту.
Дым перламутром кадит над хутором.
Скучный баклан притворился Лютером,
Крылья сложил крестом,
Греется над мостом.
К зимнему пляжу приводят улицы.
На мелководье – рябые устрицы.
Словно из янтаря
Ржавые якоря.
Возле причала фелюга брошена.
А над морским пустырём Волошина
Брызг ледяной фонтан.

Ожил левиафан.
Сумерки провинциально-скудные.
Дочь офицера
Готовит скумбрию.
Сушит лавровый лист
Смуглый медиевист.
Блеклый пейзаж не лишен экзотики.
Мёртвых медуз голубые зонтики
Держатся на плаву...
Кстати, я здесь живу.

Камыши

На солёной конечной чумацкого шляха
Я родился в тунике и жил налегке.
О, чумная окраина, о, черепаха,
Затаившаяся в тростнике.
Я читал здесь всех русскоязычных поэтов,
О которых почти и не знал «материк».
И скульптурами из «государства советов»
Восхищаться привык.
Колесо обозренья над бочкою кваса,
Побережье, где нет ни домов, ни души...
Вот он я – ученик из десятого класса.
Мой район – Камыши.

Отшельница

1

Она живёт в пещере над обрывом,
Среди шероховатых валунов.
Боярышник, тростник и дикий тёрн
Растут вокруг природным частоколом.
В пещере слышно, как гудит буксир
И воют азиатские шакалы.

Сырые тряпки, одеяла, ветошь –
Висят на входе. Сохнут над костром.

2

Когда же начинается борá,
Ржавеют у причала катера,
В степи холодной – аромат мазута,
Она простоволоса и разута
Блуждает по прибрежной полосе.
Ей безразличны абсолютно все,
Все постиндустриальные щедроты...
Она замёрзших чаек тянет к гроту.

3

Найдёт на пляже мёртвого нырка –
И на мангале приготовит супа.
Промозглой ночью вспышки маяка
Изобличают скальные уступы.
Блестят на гальке щупальца медуз...
Отшельница счищает капли воска,
С ухмылкой провожает сухогруз,
Смешно шипит и крутит папироску.

Здесь остров Кирки путают с Итакой.
Цветёт сосна. Виляет хвост собакой.
Говеют в Масленицу.
Жарят мясо в пост.
Над степью строят современный мост.
Глухой всё слышит, а немой поёт.
Ведёт паломников слепой экскурсовод.
Здесь выходной, как тяжкая работа.
Здесь покупают зубы кашалота
И уголёк из цинковых белил.
Мне кажется, я здесь тебя любил.

Случай

Ржавые скалы,
Рыжий песчаник...
В сердце фисташника и тростника —
Не разберёшься: пляж или пряник.
Всё перепутаешь наверняка:
Хрупкие панцири мраморных крабов,
В рыхлом песке закорючки арабов,
Вязь скоротечную —
Птичьи следы
В жидкой Сахаре
Солёной воды.
Ночью заглохнет корейский мотор.
Медленно выгорит звёздный костёр.
Будет смеяться подвыпивший шкипер
И пошатнувшись, рухнет в мазут...
Термос, бейсболка и вязаный свитер
От воспаления лёгких спасут.
Дома, листая вчерашнюю ленту,
Вижу с улыбкой шквал новостей:
«Шхуна затоплена на Фиоленте.
Главный виновник – хтонический змей!».

Ныряльщик Серёжа

Теперь ему мерещатся акулы,
Когда один ныряет в глубину.
Химеры иностранного «олдскула» —
Почудились.
Теперь у них в плену.
Зелёный кобальт, мрачное индиго —
Кипят, как еретическая книга.
Тревожит ум необъяснимый шум.
Стал тесным фирменный
Гидрокостюм.

На берегу – он жадно пьёт «вискарь».
Давленье учащается в висках.
Курортница куражится в шезлонге.
Играют дети в пляжный волейбол.
Матрос-спасатель грезит о пинг-понге.
А наш герой уставился на мол,
Молчит в плену опасных новостей;
Он ощутил движенье челюстей.
Страх отражён на загорелой коже...
Чем мне помочь ныряльщику Серёже?

Окраины, которых ты не знал –
Заметок путеводная тетрадка:
Заброшенный советский кинозал,
Заросшая крапивой танцплощадка.
Кузнец Вакула и монах Давид
В пещере пьют подобие глинтвейна.
Окраины неповторимый вид –
Трёхмерный сон под музыку Кобейна,
Немыслимый туземный боди-арт.
Медитативный хронотоп окраин
Преображает алчность и азарт
Всех тех, кто заблудился и отчаян.
Я посещал секретные кафе
Среди недостижимых локаций.
Окраины, ваш регент подшофе,
Он захмелел от шёпота акаций.
Невнятное винтажное кино,
Пересечение лестниц и причалов.
Не выпадало снега так давно...
Оливковая роща одичала.
Когда нас яхты в море позовут
Запомню эндемичные картины:
Печатную машинку «Ундервуд»
И на прибрежных скалах – пианино.

В краю, где над степью зубцы терриконов;
На вяленых камбалах пишут иконы.
Где чертополоховый вкус катастрофы,
Где перья теряют огромные дрофы,
В солёноозёрном краю позабытом,
В посёлке, где всё продают на avito
Потомки пиндосов, таврических греков,
Любители жирных мясных чебуреков.
Где ловят в вонючих лиманах креветку,
Твои горбоносые смуглые предки...
Мне кажется, в этом краю, дорогая —
Ковыльные сени нежданного рая!

Элефтерия

На Западе, за Киммерийским Боспором,
В прибрежных оврагах – разбросана хора.
И грубый дорический ордер колонн
Уходит надменно в степной небосклон.
Рукою подать до азовского штиля,
Баркасы заброшены на берегу.
Я помню восторг от звериного стиля.
И мрачные склепы забыть не могу.
В холодной пыли ювелирные геммы.
Как провинциальны – ромейские фемы!
Вдоль трассы: кермек и сухой солончак.
Кустарник острей, чем лихой акинак;
От мая, от марева на волоске...
Горячую шкару несут рыболовы.
Пишу «Элефтерия» я на песке,
Пишу для тебя это южное слово!

* *Элефтерия (греч.) свобода*